

О. А. ЛЕЙБОВИЧ,

заведующий кафедрой культурологии Пермского государственного технического университета,
доктор исторических наук, профессор

КОСНОЯЗЫЧИЕ КАК ВЛАСТНЫЙ ДИСКУРС В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В высших учебных заведениях изменяется языковая среда. Уличная речь теснит ее этикетные формы. Студенческие ответы, выступления административных лиц, преподавательская лексика — все обновляется за счет новых сленговых или рекламных, даже инвективных, оборотов, упрощается, становится невнятной. Косноязычие приобретает права, ранее в образовательных учреждениях запретные. Явление это не случайное. Вызванное к жизни современными культурными тенденциями, оно опирается на долговременную властную традицию.

В одной из книг о Кавказской войне цитируется обширный фрагмент из рапорта генерала Цицианова императору Александру. Вот небольшой отрывок из него: «...если б В. И. В. к совершенной для меня гибели соизволили когда-либо помыслить, что иная причина производит во мне желание удалиться со службы, посредством коей, начав ея от 13-летнего возраста, достиг до высочайшей степени блаженства моего приобретением неопределимого благоволения В. И. В. и такового же блаженной и вечной памяти государыни императрицы Екатерины Великой».

Я. Гордин в своем историческом исследовании, указывая на «невнятность и запутанность стиля генерала», умевшего «писать очень ясно, четко и лапидарно», предположил, что таким образом тот старался затемнить истинный смысл своего обращения к государю элементарно традиционной мотивацией¹.

Речь здесь идет, конечно, не столько о мотивации, сколько о речевом ритуале, к тому времени уже выглядевшем старомодным, но от того еще более акцентированным. Изложение своей просьбы витиеватым, вялым языком, избыточным немецкими оборотами, свидетельствовало как о респекте по отношению к государю, так и о лишающем дара речи трепете перед ним. Оно позволяет адресату выбрать любой из предложенных смыслов или найти собственный, то есть произвести редакторскую правку послания. В этом контексте косноязычие несет в себе обрядовую функцию, более сильную, нежели затверженные формулы. Косноязычие их дополняет, насыщая содержанием пустую оболочку, и превращает в метафоры

вежливые обороты, вроде «покорного слуги», «верноподданного», или в светской версии «*humble et tres obeissante Serviteur*».

Нарочито невнятная речь могла быть обращена и к иным лицам, занимающим равное или подчиненное положение по отношению к говорящему или пишущему. Ее крайнее выражение можно обнаружить в глоссо-лалическом языке А. В. Суворова, применяемом им и в устной речи, и в частной переписке. Фельдмаршал, блестяще владевший множеством языковых стилей, легко переходил от патетики к имитации детской речи, от размеренного слога, восходящего к римским образцам, к сбивчивой скороговорке, даже к подражанию петушиным крикам. По мнению Ю. Лотмана, такая свобода во владении языком — «лишь отражение богатства фантазии»².

Не оспаривая этого суждения, заметим только, что намеренное косноязычие А. В. Суворова несло в себе и другие, служебные смыслы: дистанцированность от этикетных форм речевого общения, подчеркивание своего особого высокого статуса и — не в последнюю очередь — установление речевого контакта с людьми, принадлежащими иным культурным мирам. Речевой строй суворовских солдат коренным образом отличался и от регламента уставной речи, и от *просвещенного* офранцузенного языка их офицеров. В такой ситуации сознательное отступление фельдмаршала от принятых языковых правил представляется сугубо инструментальным действием, способом организовать эффективную коммуникацию с солдатской массой, добиться ее признания и понимания.

Такая же практика в отношении генералов и царедворцев выполняла иную задачу: это заставляло собеседников или адресатов подчиняться авторским ритмам, принимать заданные им сниженные нормы общения, отказываться от освоенных заранее правил речевого этикета. А. В. Суворов таким способом принуждал этих людей сдавать завоеванные ими престижные статусы (светскость, просвещенность) и спускаться по социальной лестнице на несколько ступеней вплоть до детского или солдатского состояния.

¹ Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. СПб., 2000. С. 79.

² Лотман Ю. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 275.

Начальственное косноязычие приобрело особую актуальность в новую пореволюционную эпоху. Выступления комиссаров перед академической или писательской аудиторией не только содержанием своим, но и формой, даже обликом новых ораторов свидетельствовали о совершившемся перевороте¹. «Революция была почище любого землетрясения. Она перепахала, перевернула, вздыбила, перемешала все устоявшиеся слои быта, языка, цивилизованности и медвежьей российской дремучести <...> Землю продолжало трясти, вроде бы в продолжение прежнего. Все-му этому под стать из рупоров звучали бездарные, неприличные слова»².

О нарочитости в этом случае вести речь не приходится. Новые люди говорили, как умели. Нельзя исключить, однако, и социального высокомерия: нежелания подчиняться правилам старой культуры, совсем не обязательно дворянской, интеллигентской, научной или бюрократической, но также и социал-демократической. Косноязычие превратилось во властный дискурс.

Наиболее выразительным примером начальственной речи, наполненной безадресными угрозами, глухими намеками, неясными насмешками, многочисленными оговорками и отступлениями от всех и вся языковых правил, может служить речь наркома Н. И. Ежова перед новобранцами НКВД в марте 1937 года. Протицируем краткий фрагмент, касающийся классификации агентуры: «Более широкая сеть, это сеть осведомителей, которая в известном смысле может быть названа агентурой, но она не представляет собой категории агентуры в том смысле, в каком мы привыкли ее понимать»³. Оратор не заботится о том, чтобы его верно и однозначно поняли. Для него главное указать слушателям на место, не позволяющее им рассуждать о начальственных указаниях, и напротив, обязывающее их к немедленному исполнению и — что само по себе немаловажно — к готовности принять заслуженное наказание за неизбежные ошибки.

Новый слог представлял собой сочетание канцелярских оборотов с просторечиями, патетических фраз с инвективами, контаминацию научных терминов (идеологем) и площадных выражений. Такой способ начальственной риторики стал образцом для речевых пуб-

личных практик во властных институтах⁴. В последние десятилетия советской истории он существовал параллельно с официальным, торжественным, газетным по происхождению языковым каноном, не предназначенным для живой речи, но исключительно для зачитывания с поднятой над залом трибуны. Советский канцелярит служил надстройкой над архаичными языковыми практиками, едва затронутыми книжной культурой. Промежуточный уровень, соответствующий профессиональным и социальным (интеллигентским) статусным позициям, во многих случаях обнаружил свою неразвитость, хрупкость, неукорененность.

Слом советской эпохи среди множества иных последствий повлек за собой и разрушение созданной ею системы официальной речи. В такой ситуации во властных дискурсах возобладал низкий стиль, восприимчивый к уличной языковой стихии. Освобожденные от обязательств, наложенных советским профессиональным каноном, должностные лица ввели в официальную речь низкие, бытовые или казарменные, упрощенные языковые фигуры и устойчивые идиомы. Неточность и размытость смыслов восполняется спонтанной экспрессией. В образовательных учреждениях его использование прежде всего обуславливается тем, что с его помощью администрация вузов стремится восстановить контроль над профессиональным поведением преподавателей, игнорирующих ранее установленные институциональные правила, вернуть или, вернее, усилить собственные иерархические статусы, подавить возможную оппозицию. Косноязычные речевые практики в новой ситуации представляются более эффективными, нежели те, что использовались на ученических советах или торжественных заседаниях.

Преподаватели, в свою очередь, обращаются к невнятному языку улицы в общении со студенческой аудиторией не только для того, чтобы установить с ней первичный контакт или организовать устойчивую коммуникацию. Чем менее преподаватель профессионален, тем он чаще попадает в такт культурному молодежному мэйнстриму. Если он толкует о преимуществах социализма, то сразу принимает образ домашнего дедушки, ворчащего на новые времена. Если он разоб-

¹ См.: Чуковский К. Дневник: 1910–1929. М., 1991. С. 275; Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 36, 289.

² Баткин Л. Сон разума // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 26.

³ Лубянка: органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ: Справочник. М., 2003. С. 574.

⁴ Недостаток места не позволяет здесь обсуждать проблемы, связанные как с изменениями внутри властного дискурса в позднюю сталинскую и последующие эпохи, так и с его трансляцией в иные речевые пласты. См.: Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001; Геллер М. Машина и винтики. М., 1994.

лачает разврат, поселившийся в Интернете, на телевидении и в иных местах, то в чем-то повторяет мамыны упреки касательно длины юбок, манеры обращения с молодым человеком и нарушений временного домашнего режима. Если он публично обличает иноземцев-иноверцев-инородцев, то в его словах находит подтверждение и оправдание распространенная в молодежной городской субкультуре ксенофобия в самых разных ее формах. Если же он просто рассказывает истории из своей жизни, то тем самым также попадает в такт необязательной болтовне, характерной для повседневного молодежного общения. (Мы не касаемся здесь ни собственно культурных, ни социальных причин этого явления, сложившихся под воздействием двух параллельных процессов: пауперизации преподавательского корпуса и методологического хаоса, характерного для современного состояния гуманитарного знания. Отметим только, что распад гуманитарных парадигм оказал воздействие и на мировоззренческие основания фундаментальных естественных дисциплин, а

тем самым и на вербальное поведение преподавателей.)

Здесь также важна функция доминирования, требующая применения бессвязных эмоционально насыщенных речевых оборотов, резонирующих с подобными языковыми практиками, свойственными молодежной субкультуре. Учащиеся вузов следуют моделям поведения, укорененным в городской среде: упрощенным, брутальным, потребительским, инфантильным, закрытым. Речевые дисциплинарные практики могут быть эффективными, если в них присутствуют знакомые интонации.

Властный дискурс, озвученный на языке улицы, — невнятный, темный, угрожающий, бессвязный — организует сегодня университетскую среду. В нем воспроизводятся доминирующие властные языковые практики, адаптированные к условиям существования образовательных институтов. Начальственное косноязычие служит средством установления новой иерархии взамен прежней, поколебленной общественными потрясениями.